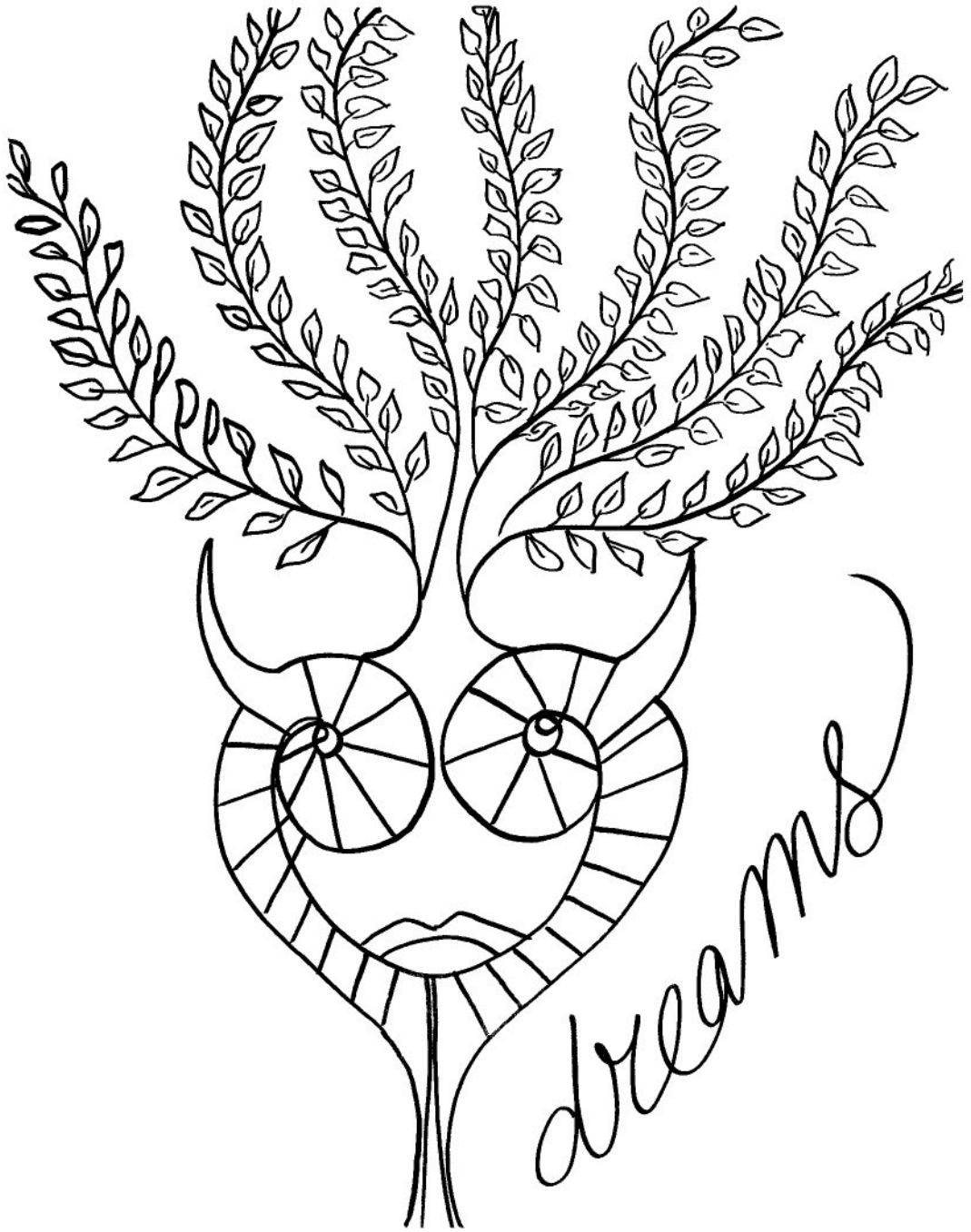

Содержание

<i>Dreams</i>	<i>Мечты</i>	7
<i>Style</i>	<i>Стиль</i>	41
<i>Beauty</i>	<i>Красота</i>	63
<i>Seduction</i>	<i>Обаяние</i>	79
<i>Amour</i>	<i>Любовь</i>	105
<i>Inspiration</i>	<i>Вдохновение</i>	139
<i>Audacity</i>	<i>Смелость</i>	169
<i>Taste</i>	<i>Вкус</i>	201
<i>Goie de vivre</i>	.....	233
<i>Mendez vous</i>	.....	259

Моему сыну Оскару, моим родным и всем,
кто любит французский стиль.

"Мертво и
жизнь —

это одно и то же.

Ихаре же стомуло
до жуть!"

Мак Тревер

Француженка не составляет списка желаний и не отмечает галочкой исполненные. Она берет от жизни всё и сразу. У нее есть шарм, характер, она умеет очаровывать, она покоряет своим стилем, она уверена в себе.

Женщину, которая сумела счастливо соединить французскую культуру и американский идеализм в браке и при этом сохранить свой стиль и индивидуальность, звали Жаклин Бувье Кеннеди. Натали Портман в фильме «Джекки» (2016) удивительно живо и ярко сумела передать характер этой преисполненной благородства, загадочной, грациозной и элегантной женщины, на долю которой выпали такие тяжелые испытания.

С юного возраста Джеки очень интересовалась европейской культурой. Она училась на факультете французской литературы в Колледже Вассара. После него изучала искусство в парижской Сорбонне и в совершенстве выучила французский. Окончив университет, Джеки занималась переводами с французского на английский. Портман рассказывала журналу *New York*, что, готовясь к роли, она читала дневник путешествий «Одно необыкновенное лето» (*One Special Summer*), который Джеки вела со своей сестрой Ли во время эпохального для них путешествия по Европе в начале 1950-х гг.

Переехав в Белый дом, Джеки пригласила французского дизайнера Стефана Будена для обновления интерьера и шеф-повара Рене Вердона, который готовил ее любимые блюда французской кухни для правительственных обедов. (В последние годы жизни Джеки полюбила *carre d'agneau bouquetière* (каре ягненка с овощами) и *haricots verts almondine* (стручковую фасоль с миндалем), поэтому часто обедала в нью-йоркских ресторанах с французским

меню La Côte Basque и La Grenouille.) Приехав с мужем в Париж в 1961 г., Джеки совершенно очаровала парижан и Шарля де Голля умом и стилем. Президент Кеннеди отошел тогда на задний план и после этой поездки как-то пошутил: «Я — человек, который сопровождал Жаклин Кеннеди в Париж». Во время визита и в течение двух лет после него Джеки использовала всю силу своего убеждения, чтобы уговорить недоверчивых французских чиновников отпустить самую известную даму Парижа — Мону Лизу — в гости в Национальную галерею Вашингтона. Эта поездка состоялась и стала историческим событием.

Джеки не была красавицей, но ее изысканный французский стиль — женственная прическа, идеально подогнанная по фигуре одежда и романтические круглые декольте — сделали ее настоящей иконой стиля. Дизайнер Олег Кассини (уроженец Франции) почти полностью создал ее модный гардероб: наряды из розового шелка, кашемировые пальто, яркие платья. Но она также носила и Chanel (в день убийства Кеннеди на ней был розовый костюм от Chanel), Givenchy, Dior, Hermès. Классический стиль Джеки эпохи Белого дома — это юбка-трапеция, рукав три четверти, лайковые перчатки, шапочки-таблетки, ожерелье из трех нитей жемчуга и золотые браслеты с эмалевыми вставками от французского ювелира Жана Шлюмберже. Но больше всего я люблю стиль другого периода ее жизни, когда она жила на Пятой авеню и носила широкие брюки, белые джинсы, свитера под горло, тренчкоты, платок на голове и на лице — неизменные темные очки, которые придавали ей, вопреки ее публичности, некий ареол французской загадочности и тайны.

На протяжении многих лет она успешно проявляла себя во многих сферах жизни: как дипломат, мать, любовница (среди прочих у нее были романы с Уорреном Битти, Полом Ньюманом и Фрэнком Синатрой) и как деловая женщина.

Идеально сочетая продуманную американскую небрежность и французский шарм, она задавала модные тренды и очаровывала весь мир. В детстве я восхищалась этой сильной и благородной женщиной. После смерти Джона она смогла придумать себя заново и начать вторую жизнь с Аристотелем Онассисом, а потом и третью — в качестве редактора в издательствах Viking и Doubleday. Ее жизненный путь был тернист, книга судьбы — полна удивительных глав.

Джеки – пример состоявшейся женщины, которая двигалась по жизни, не всегда зная, как поступить правильно, и тем не менее каждый ее шаг был элегантен.

Уверенность, стиль и обаяние не даются по праву рождения даже звездам кино или моды. Чтобы реализовать себя и стать успешной, женщина должна работать над этими качествами. Я прожила в Америке двадцать лет и сумела соединить Париж и Нью-Йорк. И сегодня я хочу поделиться своими наблюдениями о том, чем мы похожи и чем отличаемся друг от друга.

Девочка из леса

Я выросла в Сесине-Паризе. Это пригород Гренобля на юго-востоке Франции, в часе езды от Лиона, с населением 12 000 человек. Мои родители попали в Гренобль еще детьми: их родители сбежали сюда, мечтая о свободе подальше от воинствующих диктаторов (Муссолини в Италии и Франко в Испании). Пришлось приспособливаться к жизни вдали от Средиземноморья и полностью менять свои привычки. Здесь, у подножия Французских Альп, мои родители воспитали четырех дочерей. Я была их вторым ребенком.

В моем детстве было много разных красок: светлые волосы матери, уроженки Андалусии, темные глаза отца-сицилийца, розовые щечки моих сестер. Прямо за окном был зимний мир с белыми вершинами горной цепи, разрезавшими чистое синее небо. Весной эта картина меняла цвет на все оттенки зеленого и на фоне сосен и травы, словно конфетти, распускались дикие цветы: фиалки, красные маки, желтые лютики, голубые ирисы. Летом в саду вокруг нашего двухэтажного дома зацветали кусты красных роз, а над привязанными к ветке деревянными качелями распускались свечи конского каштана. В цвету он был розовым, а позже ронял на землю золотисто-коричневые плоды. Осенью листва становилась ярко-оранжевой, а потом, в ноябре, мой мир снова становился спокойным, чистым и белым.

Я была маленькой французской Хайди и чаще бывала на улице, чем сидела дома. Четыре горы – часть горного массива Веркор, который во время Второй мировой войны служил убежищем для групп французского Сопротивления, – были моей огромной детской площадкой.

Каждое воскресенье все наше семейство из шести человек отправлялось на целый день куда-нибудь побродить, *en vadrouille*. Я надевала джинсы, из которых не выпадала только благодаря широкому кожаному ремню отца, сверху — мужскую рубашу с закатанными рукавами, на ноги — ботинки с шипами, и кое-как подвязывала свои длинные волосы. В дорогу я всегда брала корзинку и нож — на случай, если найду что-нибудь интересное.

Выйдя на тропу, я обгоняла всех и бежала вперед по крутым тропкам к ручьям, где мы охотились на лягушек. Стоило родителям заметить семейство мармотов — жирных горных сурков, — они сразу шикали на меня, но я не выдерживала и визжала от восторга. Зверьки тут же разбегались в разные стороны. Мы поднимались выше в горы, где встречали оленей или серн (помесь козы и антилопы), а то и ястреба в гнезде. Там, где заканчивались деревья, мы находили эдельвейсы — бело-желтые горные цветы, растущие вертикально в трещинах скал.

Любовь к природе всегда поддерживает и оберегает меня. **Мои корни уходят так глубоко, что я могу спокойно витать в облаках.**

Четыре судьбоносных подарка

Только став взрослой, я начала понимать, как моя мать своей верой в меня и мягким руководством во многом определила мое будущее. Она всегда была моим маяком. Она научила меня быть любопытной, добывать знания, овладевать навыками. Не пыталась взять верх и никогда не отдавала распоряжений, что мне делать, а что нет. Ее образовательный метод был прост: предложить, не настаивая, направить, бросить семена в землю и подождать, пока они взойдут. Я могу только догадываться, насколько тонко она чувствовала каждую из своих дочерей. Я родилась с интуитивным чувством стиля, но именно благодаря маме — и ее подаркам — я смогла его развить.

1. Глобус. Когда мне исполнилось шесть лет, родители подарили мне на день рождения глобус, а вместе с ним ключи ко всему миру. Я обожала свою семью и нашу жизнь в Гренобле, но глобус волновал меня и дразнил воображение.

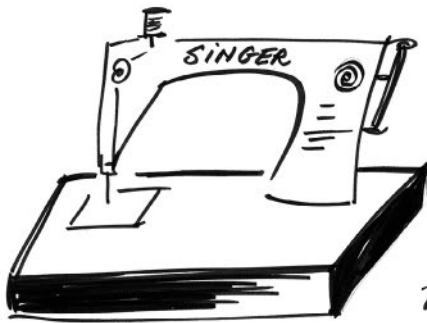
Книга о моде

Глобус

Маленький мблговблбл
макет

Швейная машина

Я была помешана на глобусе, его тайны не давали мне покоя. Если это модель нашей планеты, почему мы с нее не падаем? Моя старшая сестра часто повторяла: «Земля круглая», но мне это не помогало. Заметив, насколько меня мучает этот вопрос, мама принесла апельсин и посадила на него муравья, пойманного где-то в саду. Муравей бегал по апельсину и не падал, когда мать поворачивала фрукт в разные стороны. Я взглянула на нее с облегчением. До сих пор помню, как она улыбнулась, когда я наконец поняла суть открытия Галилея и убедилась, что не упаду с поверхности земли. С той секунды я только и делала что мечтала открыть для себя весь земной шар.

Мне так хотелось увидеть неизведанные страны, что я не теряя времени начала приглядываться к миру, который меня окружал, и особенно к тем женщинам, которые были рядом. Они одевались практично, почти небрежно: теплые вязаные шарфы, толстые свитера, удобные брюки и обувь, в которой можно и в магазин сходить, и в горы подняться. Женщины Гренобля носили спортивную, удобную одежду, романтический стиль был им чужд, а может (и скорее всего), они о нем просто ничего не знали. Да и откуда? В Гренобле 70-х гг. не было ни модных магазинов, ни Интернета.

И все-таки некоторые женщины (в том числе и моя мать) пытались выглядеть стильно и женственно, и я начала подмечать: у соседки необычные духи, у кузины — прозрачная блузка, у тети новый макияж. Я радовалась каждой крошечной детали, которая выделяла женщину. Я понятия не имела в то время, что такое *сексуальность* или *соблазнительность*, но уже тогда понимала, с какой целью женщины прихорашиваются. Стильных мужчин я тоже подмечала: у одного элегантная шляпа или плащ, у другого более изысканная ткань костюма, у третьего кашемировый шарф. Все эти мелочи были для меня сплошным удовольствием.

Любопытство было способом уйти от действительности, через него я открывала новые двери в бескрайнее воображение. Я знала, что где-то существует большой, стильный город, где женщины умеют выбирать одежду и подчеркивать силуэт, где элегантность ценится выше практичности. Мать рассказывала мне о Париже и часто обещала: «Мы поедem туда. Он тебе понравится. Его история, искусство, музеи». Я отчаянно хотела в Париж, хотела посмотреть, как живут люди, как они одеваются, а после этого — увидеть весь

мир. Уже в то время я задумывалась, получится ли у меня создавать одежду для шикарных женщин. Я еще не слышала о профессии модельера. Просто знала, что хочу быть частью того, что называется роскошной жизнью, гламуром. Путь от французской Хайди из Гренобля до *les maisons de couture* (домов высокой моды) Парижа оказался не прост. Никаких связей с миром моды у меня не было. Я родилась в глуши, и не было ни одной причины, по которой я могла бы войти в стильный мир Парижа. Но я мечтала об этом и была уверена, что у меня все получится.

В раннем детстве я уже понимала, что Гренобль — это всего лишь начало, отправная точка. Даже если человек не рожден в большом городе и на протяжении поколений его семья живет в одном и том же месте, это не значит, что он обязан там застрять до конца жизни. У любого человека есть шанс расширить границы возможного. Когда я рассказала о своем решении заниматься модой и уехать, родные были в отчаянии: «Как же так, у тебя здесь все есть!» Но мне было тесно в Гренобле, воображение толкало меня вперед, подальше от дома, любопытство сжигало, словно огромный костер. Мой глобус заколдовал меня. Он был воротами в огромный мир.

2. Швейная машинка. У моей бабушки Мануэлы была швейная машинка с ножным приводом фирмы «Зингер». Она стояла на почетном месте в маминей спальне. Деревянная громадина с металлическими деталями, подвижной педалью и вращающимся колесом казалась мне волшебной. Бабушка подарила маме эту машинку (а с ней и другие семейные реликвии), когда стала совсем старой и больше не могла на ней работать. Но фамильные украшения меня совсем не волновали. Швейная машинка, за которой она работала с такой любовью, — вот что было по-настоящему интересно. Бабушка могла из пары метров простого материала сотворить чудесный наряд. Она была искусной вышивальщицей, умела вязать. Однажды связала мне мохеровый свитер с высоким воротом из пряжи двадцати двух разных цветов, а потом — розовое ажурное бикини, в котором я с гордостью рассекала все лето на пляже в Сен-Тропе, когда мне исполнилось пятнадцать.

Бабушка научила меня осторожно подавать ткань под иглу, заправлять шпульку с ниткой в челнок. Я обожала шить и делала первоклассные строчки зигзагом еще до того, как выучила алфавит.

Когда мне исполнилось семь, мама подарила мне портативную швейную машинку «Зингер», намного меньше бабушкиной. Ни одну вещь в своей жизни я не любила так, как эту крохотулю. Я шила на ней до поздней ночи. Мне совершенно неинтересны были игры сестер в дочки-матери. Единственная игрушка, которая меня вдохновляла, была моя «Зингер». Я проводила за ней все выходные дни и бессонные ночи, шивая вместе любые лоскуты, какие могла найти дома, — от носовых платков до бархата и пушистой шерсти — и таким образом собирала свою самую любимую мозаику.

3. Маленький твидовый жакет. В повседневной жизни моя мама предпочитала свободный стиль: легкие свитера, хорошо скроенные брюки, обувь на низком каблуке. Но у нее были две вещи, которые она считала своим сокровищем: бежевая шелковая блузка от Yves Saint-Laurent и темно-синий жакет из буклированной ткани от Chanel. Я несколько раз примеряла жакет и инстинктивно понимала, что это действительно вещь высочайшего качества. У него были золотые пуговицы и цепочка, пришитая с изнанки по краю подкладки. Этот жакет не давал мне покоя, и я все время думала о нем.

Однажды после обеда, когда мои родители уехали, я пробралась в мамину комнату и вытащила жакет из шкафа. Мне было десять лет, я уже шила сама и больше всего мечтала понять, как он сделан. Устоять перед искушением было невозможно.

Я принесла шедевр к себе и осторожно отпорол черную шелковую подкладку, чтобы увидеть внутреннюю часть изделия. С почти религиозным трепетом я изучала, как сшиты детали, внимательно рассмотрела плетеную отделку на четырех накладных карманах. Мне очень понравилась идея с карманами: с ними у жакета сразу появлялся характер. Руки у меня дрожали, но я с восторгом изучала все его интимные секреты. Потом несколько часов пришивала подкладку обратно. Шов нужно было сделать таким же аккуратным, чтобы никто не догадался о моей разведывательной операции.

Не успела я повесить готовый жакет обратно в шкаф, как за окном послышался шорох колес подъезжающей машины. Мама понятия не имела, что я сделала, но через несколько недель я сама все ей рассказала. Эта тайна жгла меня изнутри, и я не могла больше ее хранить. Мама совсем не

разозлилась. На самом деле она была тронута моим отношением к ее любимой вещи.

«Сказала бы раньше, — ответила она. — Мы бы с тобой вместе это сделали».

В следующую свою вылазку я отпорола подкладку пиджака отца и начала понимать, чем мужская одежда отличается от женской. Внутри было намного больше дополнительных деталей, и весь пиджак был жестким, негнуцимся и тяжелым.

А вот жакет от Chanel в каждой своей строчке был женственным. Плотно прилегающий рукав, невероятно мягкая шелковая подкладка, а сама ткань гладкая и легкая, словно это не жакет, а блузка. Подплечики были маленькими и пушистыми. Петли для пуговиц обметаны вручную крохотными стежками. Но больше всего меня поразила цепочка, нашитая по нижнему краю подкладки. С ней изделие становилось тяжелее, и жакет идеально сидел на фигуре, придавая его владелице шарм, характерный для всех вещей от Chanel.

4. Биография Коко Шанель. Вскоре после того как я призналась в преступлении, мама принесла мне биографию Коко Шанель. Она была тронута моим интересом к одежде, и ей захотелось помочь мне двигаться дальше. Книгу о Шанель я прочитала от корки до корки, и не один раз. Коко Шанель была настоящим чудом. Она освободила женщину от корсета, шила одежду со свободным силуэтом, взяв для этого мягкий трикотаж, пластичный, как кожа. Она придумала все, что мы носим сейчас: от жакета из буклированной ткани до *petite robe noire* (маленького черного платья) и *pantalon à pont* (широких брюк с двумя рядами застёжки на пуговицы). Она стала для меня образцом стиля. Ее модели были удобны и в то же время очень выразительны. Она взяла вещи из мужского гардероба и отдала их женщинам, подарив им силу и независимость. Влюбившись в Шанель, я начала зачитываться другими книгами о моде, в которых можно было бы почерпнуть вдохновение. Мои родные всегда знали, что дарить мне на Рождество и день рождения, и вскоре моя комната стала похожа на филиал местного книжного магазина Librairie Arthaud: у меня были все книги и журналы о моде, искусстве и фотографии, которые там можно было купить.

Моя первая библиотека о моде и стиле

Любая библиотека — как и ваш стиль — станет богаче с этими великими книгами.

- *Le Temps Chanel* («Время Шанель») Эдмонды Шарль-Ру. Книга на французском, но пусть это будет для вас поводом заодно усовершенствовать язык.
- *Poiret* («Пуаре») Харольда Кода. Поль Пуаре, французский дизайнер заката Викторианской эпохи, снял с женщины корсет и надел на нее *pantalon* (брюки). Это был революционер, открывший новую эпоху в женской моде.
- *Madeleine Vionnet* («Мадлен Вионне») Памелы Голбин. Биография французского дизайнера с превосходными фотографиями. Мадлен Вионне называли «королевой косого края», она была современницей Шанель и создала новое представление об элегантности, сделав женский силуэт мягким и подвижным.
- *Yves Saint-Laurent* («Ив Сен-Лоран») Лоренс Бинейм. Моя любимая биография маэстро стиля.
- *Antonio Lopez: Fashion, Art, Sex and Disco* («Антонио Лопес: мода, искусство, секс и диско») Роджера и Маурицио Падилья. Одно название этой книги так и тянет взять ее в руки. Здесь вы найдете все творения модного иллюстратора Антонио Лопеса, любимца Уорхола. В свое время, с 1960-х по 1980-е гг., он был крупнейшей фигурой в искусстве, культуре и моде. Он открыл двух статных и величественных моделей, Джерри Холл и Грейс Джонс. Его яркие рисунки всегда дышали цветом и энергией. В мире Лопеса даже нижнее белье было броским.
- *Guy Bourdin: In Between* («Ги Бурден: между телом») Шелли Вертайм и Ги Бурдена. Биография французского фотографа конца XX в. и сборник его откровенных сюрреалистичных работ.
- *Avedon Photographs: 1947–1977* («Фотографии Аведона: 1947–1977») Ричарда Аведона. Все фотографии, сделанные легендарным фотохудожником за тридцать лет работы, в том числе мой любимый портрет Тины Тёрнер.

- *Helmut Newton: SUMO* («Хельмут Ньютон: SUMO») Джун Ньютон и Хельмута Ньютона. Большой формат, 500 страниц, полное собрание модных фотографий Ньютона, а также портретов знаменитостей. Книга вышла малым тиражом и тут же стала международной сенсацией.
- *Serge Lutens* («Серж Лютен») Сержа Лютена. Собрание иллюстраций французского фотографа, режиссера, модельера, иллюстратора, стилиста, арт-директора и создателя парфюмерной линии, человека возрождения с изысканным чувством стиля.
- *Shocking Life: The Autobiography of Elsa Schiaparelli* («Моя шокирующая жизнь») Эльзы Скиапарелли. Итальянский дизайнер, современница Шанель, подробно рассказывает, как изобрела собственную эстетику, соединив сюрреализм, анималистичные принты, принты с газетным шрифтом и ярко-розовый цвет, и чем питалось ее бесконечное любопытство.

И некоторые новинки:

- *Fashion: A History From the 18th to the 20th Century* («История моды с XVIII по XX век»), составленная кураторами Института костюма в Киото. Триста лет моды, истории, культуры — в фотографиях из коллекции Института.
- *Art and Fashion: The Impact of Art on Fashion and Fashion on Art* («Мода и искусство: влияние искусства на моду и моды на искусство») Элис Макрелл. Автор проводит исследование, как искусство и мода влияли друг на друга на протяжении столетий: например, Скиапарелли вдохновлял Дали, Ив Сен-Лоран многое взял от Пикассо, а нашу современницу, художницу Сильви Флёрри, работающую в стиле поп-арт, вдохновляют роскошные упаковки дорогой косметики.
- *Culture to Catwalk: How World Cultures Influence Fashion* («Культура на подиуме: как мировые культуры влияют на моду») Кристин Нокс. Книга написана модным блогером из Лондона, она же пишет под псевдонимом *Clothes Whisperer* (Заклинатель одежды). В своей книге автор проводит исследование того, как взаимодействуют уличная и высокая мода, и выстраивает историческую и современную модную панораму, иллюстрируя ее прекрасными фотографиями.

Самые первые источники вдохновения

Я с детства постоянно искала источники вдохновения и нашла их вот в чем:

- **Эрте.** Холл между гостиной и моей спальней был украшен литографиями французского художника русского происхождения Эрте. Он начинал свой путь в искусстве, работая для дизайнера Поля Пуаре в эпоху Первой мировой войны, но успех пришел к нему позже, когда он начал рисовать обложки для журналов Harper's Bazaar, Cosmopolitan, Ladies' Home Journal и Vogue. Как правило, это были изображения невероятных женщин в экзотических костюмах. Я проходила здесь по несколько раз на день, но каждый раз с удовольствием рассматривала вычурные женские силуэты в соблазнительных позах на черном фоне, одетые в яркие театральные одежды. Каждая складка ткани, цветок, мех и перья были прорисованы с большой точностью и любовью.
- **Журнал Elle.** Во Франции в конце 1970-х и начале 1980-х гг. журнал Elle стал модной Библией и задавал тон всему миру моды. Вместо портретов кинозвезд я вешала на стену работы фотографа Жиля Бенсимона. Это была эра высоких причесок, красных губ и легендарных моделей Джерри Холл, Эль Макферсон и Дейл Хэддон. Я рассматривала каждую фотографию и примеряла на себя смелые элегантные образы, мечтая однажды покорить Париж.
- **Les Createurs.** Ведущих французских модельеров 1980-х гг. называли Les Createurs. Во Франции они были так же популярны, как звезды кино, и я восхищалась их революционными идеями. **Тьерри Мюглер**, «проповедник футуризма», был моим любимым дизайнером. Он создавал яркую остроконечную одежду X-образного силуэта — большие плечи, узкая талия, широкий низ — из ткани металл и кожи, как будто его модели прилетели из космоса. Его показы были не просто выходом моделей на помост: он первым начал устраивать на подиуме настоящее представление. **Клод Монтана** прославился смелым сочетанием цветов и ярких, роскошных тканей — шелка, бархата, кашемира и тонкой драпированной кожи, в обтекающих фигуру минималистских

нарядах. Я помню его черные кожаные короткие шорты в сочетании с пурпурными меховыми куртками. Бунтарь **Жан-Поль Готье** был мастером переосмысления старого и изобретения нового. Он превратил *marinière* (тельняшку) в бальное платье с перьями; перекраивал шляпы, носки и трико. Надел корсет поверх платья и рубахи и сделал его главным акцентом коллекции. Все мы помним, как Мадонна во время своего тура *Blonde Ambition* выступала в остроконечном бюстгальтере от Готье. «Король стретча» **Аззедин Алайя** создавал соблазнительную одежду, в которой женщина выглядела богиней. Он первым представил стретч на подиуме, открыл спандекс и создавал одежду из облегającego трикотажа, который подчеркивал каждый изгиб женского тела. Обнаженное тело показывал осторожно, через плетение, вырезы, кружево и легкие ткани. Он оставался верным себе на протяжении долгих лет, и по сей день его фирменный стиль для меня один из самых любимых.

Стильный провокатор

Я тоже мечтала открыть женщине мир стиля и женственности и начала еще в детстве с мамы, сестер и себя самой. Я стала собственным манекеном, закалывая на себе ткань и собирая шифоновые складки на булавки. В 11 лет я вытянулась, фигура у меня была мальчишеская, и я подолгу изучала себя в зеркале, сочиняла и перекраивала наряды так, чтобы они выглядели по-парижски шикарно (в моем тогдашнем понимании, конечно). Я смешивала стили, экспериментировала с цветом и формой. Увидев в зеркале оригинальный силуэт, чувствовала себя такой счастливой, словно добилась чего-то очень хорошего. Я была в восторге от того, что могу полностью измениться, всего лишь сменив наряд. Какое богатство образов, и все они в моем распоряжении! Одна эта мысль придавала мне сил. Создавать образы при помощи одежды стало моим любимым занятием.

В школе я прослыла оригиналкой, потому что носила обувь на деревянной платформе, джинсы с низкой талией и полосатые блузки. Во время урока

рисовала на полях женские силуэты и сочиняла для них истории. Рассматривала других девочек, представляя, что можно улучшить в их внешности и чем я могу помочь. А потом выяснилось, что и девочки, и взрослые женщины уже обратили внимание на мое уникальное чувство стиля и начали обращаться ко мне за советом, какую сделать прическу и как лучше одеться. Я с удовольствием отвечала всем — например, вам лучше заправить рубашку и надеть каблуки, — и к одиннадцати годам поняла, что ко мне прислушиваются и я не боюсь высказывать собственное мнение.

Я все время думала о том, как мне выйти за рамки того, что я уже знаю о стиле. Мои родители пытались меня урезонить: они боялись, что смелые взгляды на одежду и внешний вид в столь юном возрасте помешают получить хорошее образование, поэтому я работала на уроках изо всех сил и делала все, что задавали на дом, лишь бы заслужить право быть провокатором, *стильным* провокатором. Домашний покой я зарабатывала хорошими оценками.

Но были у меня подруги, которые, в отличие от родителей, не унимались: «Ну почему ты не можешь быть нормальной?» Меньше всего мне хотелось, чтобы меня стыдили, если мы всей компанией шли гулять. Но мне слишком нравилось играть со стилем и узнавать в этой игре что-то новое о себе. И я очень быстро поняла, что мне совершенно неинтересна «нормальная» жизнь. Быть «другой» означало бросать вызов окружающим, быть для них неудобной. К двенадцати годам я поняла, что когда у тебя есть свой стиль и свое мнение, то есть и друзья и — враги.

*«Если вы всегда стараетесь быть нормальными,
вы никогда не узнаете, какими удивительными
вы можете быть».*

Майя Энджелоу

Четыре девочки

Мое детство было сплошной идиллией, меня любили, за порогом была прекрасная природа. Но мама не верила в сказки. Она рассказывала своим дочерям, что мы сами отвечаем за собственную жизнь и не должны ждать принца на белом коне, который все сделает за нас. Она считала, что **если мечтать, то о независимости. Это и стало моей первой мечтой.**

Моя мать (кстати, ее тоже зовут Катрин), вышла замуж в двадцать два года и вскоре забеременела. Ее жизнь сложилась так, что она не смогла позволить себе независимость и, вместо того чтобы исполнить мечту и стать учителем, осталась дома, заботилась о нас и следила за нашим образованием.

Хотя она была счастлива и отец хорошо ее обеспечивал, но родись она в другую эпоху, то выбрала бы совсем другой путь. Энергию и творчество она направила в семью: это был достойный труд, но ей чего-то не хватало. Мне кажется, мама рассказывала нам, своим дочерям, о том, как важно быть независимыми и добиваться чего-то своего в жизни, чтобы доказать отцу, что девочки ничем не хуже мальчиков. Мама хотела, чтобы он гордился нами так же, как гордился бы сыновьями.

Я тогда и не догадывалась, что девочки — это слабый пол. До сих пор не могу представить себе, чтобы какие-то мальчики, родись они вместо нас, были бы такими же бесстрашными, какими были мы. Мы с сестрами так и обращались друг к другу — «брат». В своей компании я была лидером. Я хотела быть главной и сильно удивилась, когда подружки сообщили мне, что обычно главные — мальчики. Я была не робкого десятка и не уступила бы никому позицию лидера, потому что в этой роли чувствовала себя прекрасно.

Я никогда не понимала сказок про принцесс. Сидеть на месте и ждать, пока меня спасут, и не принимать участия во всех этих приключениях? Ну уж нет. Спасибо моим родителям за то, что они объяснили мне, как это важно — быть сильной и независимой, как здорово мечтать быть героиней собственного романа и ничего не бояться. Если бы кто-нибудь и собрался прискакать верхом, чтобы спасти меня, это могла быть только я сама.

Мальчиков не учат зависеть от кого-то или ждать принцессу. По собственному опыту я знаю, что девочку нужно воспитывать так, чтобы она понимала, что должна сама отвечать за свою жизнь. И мать не обязательно должна быть живым примером. Моя мама была домохозяйкой, но постоянно твердила нам, что мы не должны повторять ее судьбу, потому что мы девочки, которые будут жить в XXI в. Она рассказывала, как много вокруг возможностей, и часто говорила: «Чем меньше вы зависите от других, тем больше вас будут любить мужчины».

Истории про девочек, у которых появился шанс изменить судьбу, трогают меня до глубины души. Я советую посмотреть два фильма на эту тему. Первый из них фильм Софии Копполы «Девственницы-самоубийцы» 1999 г. с Кирстен Данст в главной роли. Фильм рассказывает о пяти сестрах, живших в 1970-х гг. в маленьком городе, которые были вынуждены покончить с собой из-за обстановки в семье. Я посмотрела этот фильм много лет назад, и он до сих пор не дает мне покоя. Второй фильм — «Мустанг» 2015 г. турецкого режиссера Дениз Гамзе Эргювен. Здесь тоже рассказывается о пяти сестрах. Религиозные родители не давали им жить нормальной жизнью: двух девочек насильно выдали замуж, одна покончила с собой и только две самые младшие сумели сбежать в Стамбул. Страшно подумать, но такие истории происходят в жизни сплошь и рядом и сегодня.

Родители должны защищать детей от подобных трагедий. Я была счастлива, когда Хиллари Клинтон была выдвинута от своей партии на пост президента. Это доказало, что мечта о равенстве достижима и, возможно, станет реальностью.

Мой мальчик

Когда я стала матерью, я уже знала, что должна с раннего возраста объяснить своему сыну, что роль, которую общество и культура навязывают

мальчикам, не должна определять его жизнь. Я всячески поощряла его творчество, не останавливала полет воображения. Взяв в руки карандаш, он начал рисовать на обоях в комнате. Я никогда не кричала на него и не запрещала ему это делать. Я хотела, чтобы он творил. Со временем первые каляки превратились в слова и рисунки, потом в изображения Микки-Мауса, а в подростковом возрасте он начал делать граффити. Постепенно его комната превратилась в один огромный холст, на котором он сам, а потом и его друзья могли выразить себя. Он рисовал любимых персонажей кино: Джека Воробья из «Пиратов Карибского моря», звезд баскетбола — Майкла Джордана, Стива Нэша, Дуэйна Уэйда и Леброна Джеймса, а потом пришла очередь первого граффити о любви, сексе и рок-н-ролле. Сегодня Оскар — обычный американский мальчик, родившийся в Нью-Йорке и выросший сразу в двух культурах, французской и американской. Он доволен собой, чемпион по баскетболу, умеет сопереживать и быть щедрым. И сейчас я понимаю, что начиналось все с детских рисунков на стене, со свободы самовыражения. Он до сих пор рисует на стенах в своей комнате, хотя ему уже девятнадцать. Иногда я просто поднимаюсь в его комнату и смотрю на эту огромную книгу истории его воображения. Мы любим эти стены, для нашей семьи они — сокровище.

Что было бы, если бы каждый ребенок мог давать волю воображению и выражать себя без ограничений? Главной валютой нашей культуры стало бы творчество. Мы бы могли делиться и обмениваться идеями (а ведь именно с этого все и начинается), а потом воплощать наши мечты в жизнь.

Первое творение

В тринадцать лет я была похожа на мальчишку и очень хотела, чтобы меня заметили. Мне нужен был яркий, броский наряд. Мы как раз собирались провести зимние праздники в нашем шале в горнолыжном Отране, и я поняла, что это будет. Я решила сшить лыжный комбинезон.

Лыжный комбинезон – непростая задача. Я активно катаюсь на лыжах, не боюсь штурмовать сложные склоны. А это значит, что мой костюм должен быть теплым, водонепроницаемым, комфортного кроя из мягкой ткани, в нем должно быть удобно делать любые повороты.

Рукава и штанины я выкроила из винила цвета серебристый металлик. Для основной части взяла черный нейлон с ватином и заложила в выкройку вытачки и мелкие складки, которые подчеркнут фигуру. В качестве ярких цветовых пятен я выбрала красную застежку-молнию и красный эластичный ремень, который подчеркнул женственность силуэта. А чтобы сделать костюм практичным, добавила карман на молнии, куда можно было положить бальзам для губ и пропуск на подъемник.

Источником вдохновения для моего творения послужила шпионка Эмма Пил из сериала «Мстители» в исполнении актрисы Дайаны Ригг. Ее героиня носила облегающий кожаный комбинезон и сексуальные ботинки. Во Франции сериал назывался *Chapeau Melon et Bottes de Cuir* («Шляпа-котелок и кожаные сапоги»). Это название ясно говорит о том, до какой степени французы помешаны на моде. Я очень хотела быть похожей на Эмму и по мотивам ее сексуального костюма сшила свой (а вместо кожаных ботинок у меня были лыжные).

Я носила комбинезон всю зиму, срезая углы в слаломе и поднимая облака снега на склонах. Этот наряд подарил мне крылья: в нем я могла стать хоть королевой горных лыж, хоть королевой диско. Я каталась с еще большим удовольствием, чем раньше.

В тринадцать лет я уже понимала, какой силой обладает одежда. С одной стороны, все очевидно: «Вот она я!», с другой стороны, она помогает своей хозяйке понять и выразить себя. Красивая одежда способна изменить отношение окружающих, она дарит власть и радость, а это невозможно, если ваш наряд невыразителен.

Красивая одежда сразу делает жизнь лучше. В лыжном комбинезоне я немедленно перешла из толпы в «звезды» склона. Люди поневоле оборачивались и останавливались, чтобы меня разглядеть. Я не начала кататься быстрее и лучше, но я стала уникальной. Моя младшая сестра Элен, отличная лыжница, не выдержала и попросила сшить ей такой же. Это был мой первый заказ!